

СВЕТЛАНА ЛУБЕНЕЦ

ЧЕРНАЯ

ПТИЦА

РЕВНОСТИ

Светлана Лубенец

Черная птица ревности

«Автор»

2018

Лубенец С. А.

Черная птица ревности / С. А. Лубенец — «Автор», 2018

«Любовь уходит путем, которым входит ревность», – написал Лопе де Вега. Восемнадцатилетняя студентка Майя Романова не читала произведений испанского драматурга, а потому даже не догадывалась об этом. Она была счастлива, выйдя замуж за институтского преподавателя, но не смогла удержать счастья. Она ревновала своего Костю ко всем и всему и, особенно, к прошлому. Ей казалось, что прошедшая без нее жизнь, по-прежнему остается для него более важной и значительной, чем нынешний брак с ней. Майе хотелось разрушить, уничтожить прошлое мужа, что невозможно, и потому она совершала одну ошибку за другой. Ее сумасшедшая любовь стала настоящей пыткой для Кости, а потому развязка истории драматична.

© Лубенец С. А., 2018

© Автор, 2018

Светлана Лубенец

Черная птица ревности

© Светлана Лубенец

* * *

Ревновать – значит любить так, будто ты ненавидишь.
Эдуар Эррио

Если бы в жизни можно было, как виртуальной игре, уйти с любого уровня и начать все с начала, Майя сделала бы именно это. А где было то начало, та развилка в пути, когда она пошла не в ту сторону? И как определить, куда стоит идти, а куда не надо сворачивать ни при каких обстоятельствах, как бы тебя туда не заманивали? Возможен ли был другой сценарий или все должно было произойти именно так и не иначе?

Наверно все началось тогда, когда Майя, поддавшись стадному чувству, поступила Политехнический институт. Почему стадному? Да потому что их выпускной класс именно стадом пошел в него поступать. Почти все. Классной руководительницей 11 «Б» была физичка, Ираида Степановна Луковнина. Она прекрасно знала свой предмет и была отличной теткой. Она любила своих учеников, и они платили ей взаимностью. Даже гуманитарии по натуре всегда успевали по физике и по всем остальным точным наукам, поскольку в их классе это было нормой. Получить даже «трояк» у Ираиды считалось не комильфо, моветоном. Перед выпуском из школы странная идея трансформироваться из одноклассников в однокурсники овладела почти всеми. Три девчонки, которые не хотели идти в Политех, очень скоро стали чуть ли не отверженными в классе, который гордился именно своей сплоченностью и единомыслием. Что ж! Как говорить: в семье не без урода. Не без уродок, которые собрались подавать документы в другие институты. Ираида бранила своих подопечных за то, что те подвергали остракизму трех своих одноклассниц, но все видели, что ей очень приятен выбор большинства.

Это теперь, уже учась на втором курсе Политеха, Майя могла признаться себе, что уроки литературы и истории ей нравились гораздо больше, чем физики с математикой. Тогда, в школе, открыто признать это было невозможно. Она не хотела быть хуже других. Она хотела быть такой, как все. Теперь она не такая... Но это ничего не меняет. Конечно, можно перевестись в другой институт. Можно просто бросить этот. Можно даже после этого поступить в какой-нибудь Гарвард, но от себя все равно не уйти... И не только от себя не уйти... Ей никак не уйти от него, самого главного человека ее жизни. Но, возможно, уходить и не надо... Может быть, она еще сумеет все поправить. Хотя... дело вовсе не в ней... Она уже не может сделать ничего...

Все началось сразу на первом курсе...

Майя с удовольствием окунулась в новую студенческую жизнь. Все было не таким, как в школе, а потому приводило в состояния восторга и возбуждения, когда все кажется по плечу, а открывшиеся перспективы – прекрасными и многообещающими. Самым замечательным было то, что не надо было ежедневно делать уроки. Ну, разве что – высшую математику с начерталкой, да и то не каждый день. Девушке казалось, что она наконец вырвалась из пут нудной детской обаяловки и вступила в настоящую, взрослую и насыщенную событиями жизнь. После лекций, коллоквиумов и лабораторных работ они всей группой, которую, как и планировали, составляли в основном Майины одноклассники, шли в соседнюю с институтом дешевую кафешку «Пышки». Там они до отвала объедались этими самыми пышками, густо посы-

паннами сахарной пудрой, запивая их самым обыкновенным рублевым чаем. Ну... или таким же плохеньким кофе. По желанию, в общем. Вечерами они часто собирались в студенческом общежитии, где жили несколько их однокурсников и однокурсниц, приехавших из других городов. Конечно, было и вино, и сигареты, но никто не напивался до безобразного состояния и ни в какие другие пороки не впадал. Все было пристойно, весело и главное – взросло! Первокурсники казались сами себе господами. Еще бы! Они все выдержали огромный конкурс в престижный институт, уверенно поступили на бюджетное отделение, а значит, были избранными, элитой. Они не могли считать себя золотой молодежью в том смысле, какой обычно влагается в это определение, поскольку среди них не было детей очень обеспеченных родителей, а потому они не имели возможности сорить деньгами направо и налево и предаваться дорогостоящим порокам. Тем выше они себя ценили. Тем сильнее презирали тех, кому родители купили место в их замечательном институте.

Одним из общеобразовательных предметов на первом курсе у них была общая химия. Преподавал ее тридцатилетний доцент Иващенко Константин Эдуардович. В институте он славился какой-то особенной свирепостью на экзаменах, чего первокурсники, естественно еще вообще не успели вкусить, и полной лояльностью в течение семестра. К нему на лекции можно было опаздывать, можно было не приходить совсем или заниматься во время них чем-нибудь другим, например, той же математикой. Самое большее, что можно было заслужить от Иващенко в наказание за нерадивость – всего лишь язвительную реплику разной степени ядовитости в зависимости от проступка. Все знали, что о прогулах Константин Эдуардович в деканат не доносит. Но это так же хорошо знали и в деканате. Секретарша кафедры общей химии Эмма Ивановна время от времени проверяла журналы Иващенко и сама вызывала особо злостных прогульщиков к декану, но это было нечасто. У Эммы Ивановны и других дел было по горло.

Нельзя сказать, чтобы Константин Эдуардович он был хорош собой. Он казался каким-то стертым, размытым, никаким, почти без единой изюминки в облике. Одевался Иващенко очень однообразно: всегда в однотонный темно-серый костюм, под которым только менял рубашки, в разную, но неизменную светлую клетку. Волосы стриг очень коротко, зачем-то оставляя довольно длинной челку. Челка часто падала ему на ничем не примечательные серые глаза, и он легким движением пальцев правой руки забрасывал ее назад. Этот его жест, повторяемый часто, так как преподавателю то и дело приходилось нагибаться то к конспекту, то к пособию, то к тетради студента, был его единственной отличительной способностью, и в институте находились пародисты, которые с точностью воспроизводили перед желающими этот его характерный жест и даже умудрялись повторить выражение лица Иващенко.

Майя к химии относилась не хуже и не лучше, чем к математике или физике. Одинаково. К концу первого в своей жизни семестра она уже вообще забыла, с чем едят эту химию, как раз из-за нетребовательности преподавателя. Его лекции она, конечно, не пропускала, поскольку совершенно не умела это делать, но если в сентябре она писала конспект по предмету Константина Эдуардовича очень аккуратно, как, к слову сказать, и все другие, то к декабрю совершенно распустилась. В то, что писала, совершенно не вдумывалась, а если ей вдруг в ухо вставляли наушник, чтобы она могла прослушать какую-нибудь новую композицию, Майя никогда не отказывалась, как делала на других предметах, и переписывала с доски только одни формулы, не сопровождая их никаким текстом. Гораздо приятнее было покачивать головой в такт мелодии.

Между тем, расплата была не за горами. Химию деканат назначил первым экзаменационным предметом в зимнюю сессию. Сразу трое студентов из первого захода Майиной группы вышли с «лебедями» в зачетной книжке. Все остальные тут же уткнулись в учебники, поскольку конспектом по химии никто не мог бы похвастать. Майя дрожала перед дверью аудитории, в которой шел экзамен, осиновым листом, и никак не могла сосредоточиться на странице учебника. Буквы и формулы прыгали у нее перед глазами. Она с ужасом представ-

ляла, как принесет домой двойку в новенькой зачетной книжке, еще пахнувшей типографией, за первый же в своей жизни институтский экзамен. Это будет ни в какие ворота... Это будет позором и диким ударом по самолюбию... Вот вам и взрослая жизнь... Да после эдакого позора родители в наказание запрут Майю дома на все каникулы, как какую-нибудь малолетку, и будут десять раз правы.

Когда Майя взяла билет, сразу поняла, что все потеряно. Ответа на первый теоретический вопрос она не знала, поскольку трех дней, что были отведены на подготовку к экзамену, ей просто не хватило физически. Второй вопрос билета состоял в том, что надо было расписать реакцию гидролиза. Этому Майю хорошо научили в школе, и она с легкостью прибавила к исходному веществу молекулу воды. Поскольку она долго билась над тем, чтобы вспомнить хоть что-нибудь по первому вопросу, к третьему так и не успела приступить.

– Романова, прошу вас. – Майя вздрогнула, услышав свою фамилию и жалко пролепетала:

– Я еще не все... в общем, не готова...

– Это ничего, – снисходительно произнес Константин Эдуардович. – Я и так разберусь, что вы знаете, а что нет.

На ватных ногах девушка подошла к его столу и опустилась на стул.

– Итак... посмотрим, что там у нас прописано... – проговорил Иващенко и взял из ее дрожащих пальцев билет, быстро пробежал его глазами, а потом вытащил из другой ее руки листок, на котором была подробнейшим образом расписана реакция гидролиза, и с удивлением воскликнул: – Ба! Ну, надо же! Представьте, вы сегодня первая, кто ничего ни откуда не списывал! Обычно ко мне садятся с листками, исписанными вдоль и поперек самым мелким почерком... Кроме того, вы еще и понимаете толк в гидролизе! Это очень приятно! Бог с ним, с первым вопросом нашего билета... Мне интересно вот что... – И он начал засыпать Майю вопросами, касающимися различных видов реакции диссоциации. Поскольку это был материал еще школьного курса, девушка отвечала ему без запинки.

Когда человек уверен в своих силах, бояться ему не пристало, и первокурсница Романова постепенно перестала дрожать и даже смогла поднять глаза на преподавателя. Он улыбался. Майя видела его улыбку впервые. Она показалась ей очень обаятельной. На щеках Иващенко образовались симпатичные ямочки, и тридцатилетний доцент вдруг стал похож на мальчишку. Майя тоже улыбнулась в ответ.

– Ну, вот что... – сказал Константин Эдуардович, откладывая в сторону билет. – Если вы мне сейчас правильно расставите коэффициенты еще и в окислительно-восстановительной реакции, то мы разойдемся весьма довольные друг другом.

У Майи упал с сердца камень. Рассчитывать коэффициенты их тоже хорошо научили в школе, а потому бояться ей было больше нечего. Она справилась с заданием в самом лучшем виде и за первый экзамен своей первой в жизни сессии получила пятерку и еще одну чудесную, лучезарную улыбку Иващенко. Конечно, с одной стороны эта пятерка была не очень-то заслуженной, с другой – ничем не хуже любой другой. Преподавателю ли не знать, что у студента спрашивать! Не Майя же выбирала, на какие вопросы ей отвечать, а на какие – нет.

Майина пятерка оказалась единственной на всем потоке. В коридорах института на нее даже показывали пальцами. Оказалось, что заслужить отличную отметку у Иващенко было почти невозможно, а она каким-то удивительным образом умудрилась.

Экзамены по другим предметам студентка Романова сдала тоже неплохо, но гордилась другими пятерками куда меньше, чем «пятак» по общей химии.

Первые в жизни Майи студенческие каникулы прошли весело. Вместе с однокурсниками она ездила на турбазу в поселок Радужный. Зима выдалась морозной и очень снежной. Сугробы по сторонам расчищенных дорожек базы высились чуть ли в человеческий рост. Ран-

ним утром и вечерами, когда туристские домики и коттеджи терялись в сумерках, Майе казалось, будто она находится на Северном полюсе и что из-за поворота вполне может неожиданно выбрести белый медведь, не говоря уже о выводке неуклюжих пингвинов. Когда рассветало, турбаза становилась обычным местом отдыха, где безостановочно сновали лыжники, саночники и конькобежцы в таких ярких шапочках, шарфах и варежках, что на душе человека, хорошо сдавшего первые институтские экзамены, сразу становилось еще легче и праздничнее.

Студенты чудесно проводили дни, катаясь на лыжах, ватрушках и финских санях. Недалеко от корпуса, где они жили, находился довольно высоких холм, склон которого был залит водой, и широкий ледяной «язык» тянулся вниз метров на сто, не меньше. На этом холме проводили целые дни дети, живущие на турбазе, а вечерами с таким же детским визгом и хохотом с этой горки катались взрослые.

На лыжах Майя стояла очень хорошо и потому охотно и с удовольствием демонстрировала свое умение виртуозно съезжать с горы любой высоты. Соперничать с ней в этом мог только однокурсник Глеб Измайлов. Майя и Глеб, вместе, взбирались на самые крутые в окрестностях поселка Радужного вершины, а потом неслись вниз, стараясь обогнать друг друга, яростно отталкиваясь палками и изо всех сил работая ногами. Иногда первым у подножья горы оказывался Глеб, иногда Майя. Они не могли победить друг друга и в этом ежедневном соперничании и потому у них не получалось по-настоящему подружиться, хотя оба явно симпатизировали друг другу.

Как ни смешно, Майя хорошо владела лыжным коньковым ходом и даже несколько бравировала этим своим умением, а вот коньки в детстве так и не освоила. Это очень понравилось ее однокурсникам, и чуть ли не вся группа сразу принялась учить ее кататься на коньках. Когда студенты носились по катку, сцепившись друг с другом змейкой или хороводом, Майя, которую обязательно ставили в самую середину, легко держалась на ногах, но стоило ее оставить на льду одну, не могла сделать ни шагу и тут же падала. На нее, дурачась, валились друзья и подружки, захлебываясь смехом в этой беспорядочной куче-мале. К концу каникулярной недели Майя уже неплохо держалась на коньках, но все равно каталась хуже остальных, что продолжало веселить весь каток. Смех друзей нисколько не задевал Майино самолюбие наверно потому, что она находилась в таком приподнятом праздничном настроении, когда ничто негативное просто не может проникнуть ни в мозг, ни в душу. Она веселилась вместе со всеми, что еще больше сближало ее с однокурсниками, а потому только добавляло удовольствия.

Когда студенты все же промерзали насквозь, катаясь по вечерам с ледяной горки, они шли греться горячим сбитнем и танцевать в кафе при турбазе под названием «Джюльетта». Вскоре выяснилось, что к знаменитой на весь мир Джюльетте Капулетти оно не имеет ровным счетом никакого отношения. Романтическое имя шекспировской героини носила совсем не романтическая владелица кафе, грузная, седовласая и горбоносая армянка. Несмотря на свою не слишком привлекательную внешность Джюльетта Агрянян была веселой и заводной женщиной. Она даже становилась в круг студентов на танцполе своего заведения и вместе с ними отплясывала ритмичные современные танцы под зажигательные мелодии. Майя не уставала удивляться, как мощное тело Джюльетты может производить до такой степени грациозные движения. Наверно, не зря существует выражение – слоновья грация. Это будто было сказано именно о госпоже Агрянян.

О доценте Иващенко Майя вспоминала только тогда, когда друзья начинали травить байки о прошедшей сессии, и не более того. Ей и самой нравилось рассказывать, каким образом она умудрилась получить пятерку у самого Константина Эдуардовича. При этом она каждый раз со смехом предполагала, что вряд ли ей так же повезет с Иващенко в летнюю сессию.

Майя так отлично отдохнула, что даже не без удовольствия вернулась в аудитории института, запах которых уже стал родным. Она выдержала первое свое испытание в виде сессии, и теперь уже была самой настоящей студенткой. Она знала все институтские порядки и пра-

вила, официальные и неофициально установленные студентами, изучила все этажи и коридоры старого здания, знала в лицо всех преподавателей и лаборантов своего факультета. Институт стал для нее таким же родным домом, каким до этого была школа. И, возможно, даже более любимым, поскольку свободы в нем было куда больше.

После каникул, в первую же лекцию по химии Майя удостоилась приветливого кивка Константина Эдуардовича и даже его сдержанной улыбки. Она не была такой широкой, как на экзамене. Ямочки на щеках преподавателя лишь слегка обозначились, и Майя вдруг поймала себя на том, что ей хочется еще раз увидеть, как доцент Иващенко улыбается от всей души. До следующей сессии было еще далеко. Кроме того, Майя понимала (о чем не раз и говорила друзьям на турбазе), что второй раз на экзамене ей уже не выпадет ни гидролиз, ни окислительно-восстановительные реакции, и потому стала так внимательна на лекциях Константина Эдуардовича, как ни на каких других. Надо сказать, что остальные студенты Майиной группы не изменили своего отношения к предмету, поскольку Иващенко оставался так же равнодушен к их конспектам, опозданиям и прогулам. То, что некоторым пришлось пересдавать общую химию по три раза, никого не вразумило, а даже наоборот, только лишь убедило в том, что нет предмета, который нельзя было бы сдать хотя бы и с третьего захода. Особой прилежности Майи Романовой Константин Эдуардович не мог не заметить. Иногда после лекции она подходила к нему, чтобы уточнить кое-какие вопросы, и однажды он даже спросил ее:

– Вы так всерьез заинтересовались химией?

На его губах опять появилась улыбка, но все еще она была не такой лучезарной, как на экзамене.

– Да... То есть, нет... То есть... я не знаю... Просто я не все поняла, вот и спрашиваю...

Лекция Иващенко в тот день была последней у Майиной группы, а потому преподаватель и студентка смогли позволить себе вместе выйти из аудитории. Майина подруга Ольга Макеева какое-то время шла за ними, надеясь, что их пара вот-вот распадется, но не тут-то было. Константин Эдуардович и Майя вместе прошли довольно путанными коридорами старого здания к выходу с этажа, спустились по лестнице и разошлись в разные стороны только в гардеробе. Ольга тут же подлетела к Майе и спросила:

– Слушай, Маха, а чего нашему доценту от тебя было надо?

Странно порозовевшая Майя нездешним голосом ответила:

– Так... Мы говорили о химии... Константин Эдуардович обещал мне дать дополнительную литературу...

– По химии? – изумилась Макеева. – Зачем? Это же не наш предмет! Уже на втором курсе мы и думать забудем про иващенкограмм-моли и валентности!

– Ну... зато это расширит мой кругозор...

На это заявление Ольга даже не нашлась, что сказать. Она стояла возле Майи, раскрыв рот и не вытаскивая из кармана номерок. Этим Майя и воспользовалась. Она быстро вдела руки в рукава короткой дубленки, отороченной искусственным мехом с длинными фиолетовыми прядями, кое-как нахлобучила на голову такую же фиолетовую вязаную шапочку и сказала:

– Ты, Оля, извини... Мне надо побыстрей... Меня ждут... – и оставила ошарашенную подругу в гардеробе.

На улице ее действительно поджидал Константин Эдуардович. Он делал вид, что вовсе никого не ждет, а рассматривает для своих преподавательских нужд учебные пособия, которые продавались в киоске возле института, но Майя знала, что он все-таки именно ждет. Ее. У студентки Романовой сладко замерло сердце. Она сама не очень понимала, почему вдруг так неожиданно и так сильно увлеклась химией. Даже в мыслях она никак не оформляла своего отношения к Иващенко, что было вполне объяснимо. Кто она и кто он? Первокурсница и доцент! Как говорят в рекламных слоганах – почувствуйте разницу! Майя разницу чувство-

вала очень хорошо, и потому старалась думать больше о редком учебнике химии, который ей обещал Константин Эдуардович, нежели о нем самом.

– Я живу совсем рядом с институтом, – сказал ей Иващенко, когда Майя подошла к киоску и невидящими глазами тоже уставилась на брошюры, сборники задач и самого разного рода другие учебные материалы. – Это очень удобно. Особенно утром.

– Удобно, – эхом отозвалась Майя. – Утром, да... – и еще добавила, чтобы он не принял ее за совсем уж слабоумную косноязычную особу: – А мне приходится ездить на троллейбусе. Целых восемь остановок...

– Далековато... На окраине живете?

– Да... На улице Летчика Симоняна.

– И сколько же времени ехать до института?

– Минут двадцать, двадцать пять...

На этом разговор иссяк. Преподаватель и студентка пошли вдоль здания института рядом, и Майя судорожно пыталась придумать какую-нибудь тему, которая была бы интересна взрослому мужчине, серьезному преподавателю, химику. Ничего умного в голову не приходило. Неумного тоже. В голове был полный вакуум, торичеллева пустота...

– А вы, Романова, в какой школе учились? – неожиданно спросил Иващенко.

Майя ответила, и разговор потек почти непринужденно, поскольку оказалось, что Константин Эдуардович уже давно отметил высокий уровень знаний студентов, которые приходили в институт из этой школы. Майя взахлеб принялась рассказывать преподавателю о своей классной руководительнице Ираиде Степановне и о дружном классе, который составил костяк их институтской группы. Иващенко задавал вопросы, что называется, по теме, и девушка почти совсем раскрепостилась. Преподаватель казался ей уже чуть ли не ровесником.

Дом, в котором жил химик, действительно расположился недалеко от института, в соседнем квартале. Это было старое здание в стиле сталинского ампира: с колоннами возле каждого подъезда и с лепными украшениями по фризу, выполненными в виде пшеничных снопов, увитых лентами. Майя, которая жила в обычном кирпичном доме без особых украшений, чуть не задохнулась от восторга. Конечно, доцент Политехнического института и должен жить не абы в каком, а в особенном доме. Вон, в стенах лестницы какие интересные ниши, а ступеньки сделаны из какого-то красивого дымчато-серого камня с темными прожилками.

– Это что, мрамор? – с восхищением спросила Майя.

– Нет, это гранит, но, согласен, очень красивого оттенка, – отозвался Константин Эдуардович. – В нашем доме семьи живут уже давно, почти нет приезжих жильцов, и потому так чисто. Бережем свою красоту.

– Здорово... А в этих нишах раньше что-нибудь стояло? Какие-нибудь статуи?

– Я уже ничего интересного не застал, но говорят, что раньше, до войны, в каждой нише стояла каменная ваза.

– А где же они теперь?

– Дом подвергся сильному разрушению от снарядов. Его восстанавливали. На вазы, скорее всего, решили не тратить.

– Жа-а-а-аль... – протянула Майя.

– Конечно, жаль... – согласился Константин Эдуардович.

Квартира, которая находилась за внушительными, деревянными двухстворчатыми дверями тоже поразила Майю. Во-первых, своими размерами. Прихожая, которая открылась перед девушкой, была величиной с ее комнату. Бордюры под потолком были лепной, как и фриз на фасаде здания, и представлял собой переплетающиеся виноградные ветки с гроздьями ягод. Когда преподаватель провел Майю в комнату, у нее от восхищения самым вульгарным образом открылся рот. Она впервые видела камин. Не декоративный, не электрический, а самый настоящий. Она подошла к нему поближе и погладила руками его обрамление.

– А уж это точно мрамор... – уже без вопроса в голосе заявила Майя.

– Да, это точно мрамор, – согласился Иващенко. Майя почувствовала, что он улыбается и обернулась, чтобы успеть поймать ту самую улыбку. Ей это удалось. Константин Эдуардович смотрел на нее с самой широкой улыбкой на лице. Ямочки на щеках проявились в полной мере.

– И что, он работает, ваш камин? – опять задала вопрос Майя.

– Думаю, что можно его привести в порядок, и он заработает? – Иващенко продолжал по-доброму улыбаться.

– И что же вы не приведете?

– Дело в том, что эта квартира первоначально была очень большой, шестикомнатной. В ней во времена Сталина проживал какой-то большой партийный начальник, а потом ее разделили на несколько квартир меньшего размера и что-то повредили в дымоходе. Еще моя бабушка много раз просила деда кого-нибудь нанять, чтобы исправить, но у него до этого так руки и не дошли. Очень занятый был человек. А моих родителей камин вообще не интересовал. Ну а мне тоже как-то не до этого было... Единственное, что я удосужился сделать, так это восстановить разрушившуюся пилястру, а то было некрасиво...

– Пиастру? – переспросила Майя.

Иващенко раскатисто рассмеялся и ответил:

– Нет! Пиастры – это испанские серебряные монеты. Они, похоже, уже вышли из обращения в Испании. А раньше их, вроде бы, очень любили пираты! А пилястры... Это вот эти... как бы... полуколонны... Посмотрите, Майя!

Константин Эдуардович подошел к камину и показал на обрамляющие его мраморные выступы из стены.

– Вот эта, правая пилястра, почти совсем выкрошилась почему-то. Пришлось здорово потратиться, чтобы восстановить. Трудно было мастера по мрамору найти, да и сам материал не из дешевых.

Майя уважительно осмотрела восстановленную пилястру, потом показала на черно-белую фотографию, которая стояла на каминной полке. На ней была изображена красивая женщина с гривой пушистых волос и проникновенными светлыми глазами.

– Это ваша мама? – спросила она.

– Нет, это моя бабушка, – ответил Иващенко.

– Красивая...

– Да, она была необыкновенно красивой женщиной, но не очень счастливой... Впрочем, это дела только нашей семьи. Я сейчас найду для вас учебник...

Константин Эдуардович подошел к огромному книжному шкафу, открыл стеклянную дверцу, украшенную золотистыми завитками, и стал искать нужную книгу. Несколько уязвленная и разочарованная, Майя осторожно опустилась на краешек кресла возле камина. Она-то уже почувствовала себя допущенной к жизни преподавателя, такой же особенной и необыкновенной, как лепнина на потолке и настоящий камин, отделанный мрамором, а ее как-то уж очень жестоко поставили на место: пришла за учебником, так его и жди, нечего лезть туда, к чему далеко не всех допускают.

Иващенко наконец нашел нужный учебник. Он был очень толстым, в потрепанной обложке и листами почти коричневого от старости цвета. Любовно огладив его ладонью, Константин Эдуардович повернулся к Майе и проговорил:

– Вот. Это то самое пособие. По нему, представьте, учился еще мой дед, а я... – Преподаватель перевел глаза от учебника на девушку, сжавшуюся в кресле, и осекся. Он подошел к ней поближе и спросил: – Что такое? Что с вами случилось? Почему... потухли глаза?

Лучше бы он не задавал ей таких вопросов. Лучше бы просто дал учебник и назвал срок, к которому его надо было вернуть. Тогда все, наверно, обошлось бы. Майя попользовалась бы этим пособием, сдала бы на отлично химию в летнюю сессию, а на втором курсе вообще

выбросила бы из головы доцента Иващенко, которому нечего было у них преподавать. Но он задал свои вопросы. Они были сказаны таким участливым голосом и сопровождались таким сочувствующим взглядом, что Майя вдруг неожиданно для себя разрыдалась.

– Да что же это такое? Что произошло? Что случилось? – повторял и повторял преподаватель, отложив учебник и присев перед девушкой на корточки. – Я что-то сделал не так? Я сказал что-то не то?

Майя не могла бы объяснить, почему плачет, поскольку глупо плакать от того, что полузнакомый человек не захотел поговорить с ней о своей бабушке. Он и так много для нее сделал: привел в красивый дом, рассказал про пилястры и нашел редкий учебник, а ей, получается, этого мало. Ну почему ей этого мало?

Иващенко очень легко коснулся ее руки и сказал:

– Ну, вот что... Давайте-ка попьем чаю! Горячего! У меня, знаете ли, есть ватрушка! Да! Вчера купил, но так и не попробовал. Забыл про нее, представляете! А сейчас вспомнил! Вы попьете чаю с ватрушкой, и вам сразу станет легче, вот увидите! – И он, оставив все еще плачущую девушку в комнате, вышел за дверь.

Первым желанием Майи было просто убежать от своего позора без всякого учебника. Потом ей стало стыдно. Она ведь сама на этот несчастный учебник напросилась, а теперь хочет сбежать. А как потом, после побега, ходить на лекции Иващенко? Как сдавать ему экзамен? Студентка Романова изо всех сил пыталась вообразить, как Константин Эдуардович в отместку за дурное поведение станет заваливать ее на экзамене, но у нее ничего не получалось. Картинки не было. Ее ведь на самом деле беспокоил вовсе не экзамен. А что ее беспокоило? Неужели все-таки сам Иващенко? Но это же ужасно! Потому что совершенно безнадежно...

Она уже не плакала, когда в комнату снова вошел преподаватель.

– Вам уже лучше! – обрадовался он и опять улыбнулся ей всеми своими чудесными ямочками на щеках. – Замечательно! А когда вы попьете чаю, вообще забудете про свои неприятности! Пойдемте-ка скорей!

Майя не могла не подчиниться.

Кухня Константина Эдуардовича была заставлена старинной мебелью, подобную которой девушка раньше видела только на картинках в журналах или в Интернете. Ей опять захотелось горько-горько расплакаться, но она все же заставила себя сдержаться. Чай уже был разлит в изящные чашки дымчато-розового цвета, по форме напоминающие венчики цветов. Рядом стоящая сахарница походила на собирающийся раскрыться бутон. Нарезанная на аппетитные куски румяная ватрушка лежала на блюде такого же необычного розового цвета. Его край был ажурен и тоже украшен крошечными бордовыми розочками, как чашки и сахарница. Даже чайная ложечка, которая лежала на блюдце Майиной чашки, была необыкновенной, судя по всему, серебряной, с витой, богато декорированной ручкой. Девушка на взяла ее в руки и не могла не сказать:

– Очень красивая... Я таких никогда не видела... У вас прямо-таки музейный сервиз! Такой удивительно розовый!

– Это тоже от бабушки с дедом осталось. Сервиз не окрашен в розовый цвет, а сделан из чешской глины. Она вот такого удивительного цвета. Даже на сколах этот фарфор нежно-розовый. Деду подарили... Давно... Я студентом тоже был в Чехии. Привез колокольчик. Будто специально сделанный к этому сервизу. Посмотрите! – И Константин Эдуардович достал с буфетной полки розовый фарфоровый колокольчик, украшенный такими же розочками, как и сервиз.

– Да! Прямо точь-в-точь! – восхитилась Майя. Она покачала колокольчиком, и он издал тонкий мелодичный звон.

– Но это современная работа. Просто выполнена с фирменным рисунком фарфорового завода.

Майя заворуженно глядела на колокольчик, осторожно поглаживая его пальцами.

– Вы ешьте! – спохватился Константин Эдуардович, достал из шкафчика еще и тарелочки, такие же розовые, как и все на столе, куда положил куски ватрушке себе и Майе. – Не стесняйтесь! Мне кажется, должно быть вкусно. – И он первым откусил от пирога приличный кусок, прожевал и показал девушке вытянутый вверх большой палец.

Студенка Романова нашла в себе силы улыбнуться и тоже откусить ватрушки. Она действительно оказалась вкусной.

Пока они пили чай, Константин Эдуардович рассказывал Майе, как сам учился в институте, вспомнил даже несколько забавных историй из своей студенческой жизни, и девушка успокоилась, и даже начала улыбаться и смеяться в тех местах его рассказа, где он явно на ее смех рассчитывал. После чая Иващенко принес в кухню учебник, и Майя поняла, что пора уходить. Ей очень хотелось посидеть еще, послушать его голос и полюбоваться теми самыми ямочками, которые то и дело образовывались на его щеках, но она понимала, что у нее нет никаких прав на то, чтобы задерживаться в его доме.

Выйдя из дома химика на проспект Независимости, Майя очень медленно пошла на остановку троллейбуса, прижимая к груди драгоценный учебник. Ей не хотелось класть его в сумку, потому что он был частью жизни ее преподавателя, дверь в которую приоткрылась для нее на некоторое время и тут же захлопнулась. Но как же ей теперь жить?

На лекциях по химии с того самого дня, когда побывала в гостях у Константина Эдуардовича, Майя чувствовала себя неудобно. Нет, Иващенко не сделался с ней суров или неприступен, но ей казалось, что он сожалеет о том, что слишком близко допустил ее до себя. А девушка сожалела, что их чаепитие в кухне никогда больше не повторится, ведь учебник всегда можно отдать Иващенко прямо в институте. С другой стороны, Константин Эдуардович мог бы и ей принести книгу в институт, а он почему-то пригласил домой. Голова студентки Романовой пухла от бесконечных вопросов, касающихся доцента-химика, которые один за другим возникали в ее голове, и от многочисленных ответов на них. Выбрать из них единственно правильный она никак не могла.

Майя замкнулась в себе и перестала проводить время с ребятами из группы. Их интересы теперь казались ей примитивными, а щербатые кружки и стаканы, в которые в общаге обычно разливали чай и вино, не шли ни в какое сравнение с изящными кружками фамильного сервиза Иващенко из чешского розового фарфора. Подружка Ольга все поняла правильно.

– Маха, неужели ты умудрилась втрескаться в этого Иващенко? – однажды спросила она.

– Я не знаю... – убитым голосом отозвалась Майя.

– Тут и знать нечего! Все давно обо всем догадались! Но я тебя абсолютно не понимаю. Он же... ну... абсолютно никакой!

– Ты просто действительно не понимаешь...

– Честно говоря, и понимать не хочу! Вот, например, Глеб Измайлов, меня все время о тебе спрашивает! Все наши девчонки просто не знают, как ему понравится, а он, похоже, на тебя запал.

– Ну и что? Как запал, так и отпадет.

– То есть, я могу ему это прямо так и сказать? – осторожно спросила Ольга. – Прямо таким вот текстом?

– Да каким хочешь.

– Ну гляди... Только потом не говори, что я увела у тебя парня.

– Ольга! Я у тебя умоляю! Не мели ерунды! Мне нет никакого дела до Глеба!

Глеб Измайлов действительно был видным парнем, высоким, стройным и гибким, как барс. В отличие от большинства парней, он носил длинные волосы, свободно рассыпающиеся по плечам. Они красиво обрамляли его худощавое, нервное лицо с яркими карими гла-

зами и изящно выписанными губами. Именно Измайлова Майя сразу выхватила из толпы, когда пришла в Политех сдавать первый вступительный экзамен. Ей даже показалось, что и он именно тогда тоже отметил ее взглядом. Когда Глеб оказался в их группе, Майя обрадовалась. Измайлов, правда, не спешил оказывать ей особые знаки внимания, но девушка догадывалась, что это всего лишь вопрос времени. Возможно, они даже начали бы встречаться после совместно проведенных на лыжной базе зимних каникул, где Измайлов уже явно отличал ее от всех, если бы не доцент Иващенко. Почему-то живописный Глеб не мог составить конкуренцию преподавателю, который совсем не был ярким мужчиной.

После каждой следующей лекции по общей химии Майя чувствовала себя все хуже и хуже. Она теперь уже не лукавила с собой, четко определившись с выводом: она влюблена в своего преподавателя самым серьезным образом. Каждый вечер перед сном девушка прокручивала в голове возможные варианты встречи с Иващенко для возвращения ему учебника. В ее мозгу они всегда происходили на его кухне с розовым сервизом и заканчивались неизменно одинаково: Константин Эдуардович предлагал ей свои руку и сердце. Этого не могло быть никогда, и потому Майя расцветивала свои фантазии уже совершенно невозможными подробностями, вплоть до поездки вместе с ним на какие-нибудь Гавайи. На самом деле, ей не нужны были никакие Гавайи. Она просто хотела быть рядом с Константином Эдуардовичем. Но раз это невозможно, почему бы не пофантазировать от души?

К двадцать третьему февраля Майя решила сделать Иващенко подарок. Она долго думала, что может позволить себе подарить своему преподавателю, до изнеможения бродила по магазинам, но ничего достойного выбрать так и не смогла.

Ближайшая от института остановка троллейбуса, с которой Майя обычно ездила домой с лекций, располагалась у антикварного магазина. Никогда ранее в витрины подобных магазинов она даже не заглядывала, а тут вдруг что-то словно потянуло ее подойти. На малиновом шелке, которым был затянута витрина, лежало множество мелких предметов. Назначение некоторых из них студентка Романова даже не представляла. Зато ее глаз сразу выхватил из них серебряную столовую ложку с узором на витой ручке, точь-в-точь таким же, как на чайной ложечке в доме Иващенко. Вопрос с подарком был решен.

Ложка действительно оказалась серебряной и довольно дорогой для Майи, но она сделала все, чтобы к двадцать третьему февраля она была уже у нее. Теперь перед девушкой встал вопрос, каким образом ее подарить преподавателю. Придумать, как это лучше сделать, оказалось труднее, чем собрать на нее денег. Совершенно замучившись, в конце концов, Майя решила поступить просто. После той лекции по химии, которая у их группы была последней по пятницам, девушка дождалась, пока все выйдут из аудитории, подошла к кафедре, за которой преподаватель заполнял их журнал, и прямо на него положила свой подарок, завернутый в тонкую бумагу.

– Это вам, – тихо сказала она, но Иващенко вздрогнул от ее голоса, будто она свои слова прокричала.

– Что это? – как-то испуганно спросил Константин Эдуардович, не прикасаясь к свертку.

– Ничего особенного... – сказала сразу огорчившаяся Майя, но все же нашла в себе силы развернуть бумагу. – Вот... Ложка... Как у вас чайные... Я подумала, что она может вам понравиться...

Преподаватель, чуть помедлив, жадно схватил ложку и поднес ее близко-близко к глазам, потом вдруг улыбнулся Майе так, что она опять имела счастье лицезреть ямочки на его щеках.

– Это ж... это ж наша ложка!! – почти выкрикнул он. – Где вы ее взяли, студентка Романова?

– Как ваша? – удивилась девушка.

– Так! Это бабушкино столовое серебро, которое ей изготавливали по заказу! То есть, как сейчас принято говорить – эксклюзив! Она сама придумывала вот этот узор на ручке! Так вы не сказали, откуда она у вас.

– Из магазина... Антикварного...

– Понятно. Значит, он ее утащил и сдал.

– Кто утащил? Кто сдал?

– Ну... один человек... Очень хорошо, что вы ее нашли! Спасибо! Но... – Константин Эдуардович посмотрел на Майю с испугом. – ... вы же наверно сильно потратились?

– Нет... То есть, не совсем... В общем, это неважно... Это же подарок на двадцать третье февраля...

– Но... я не могу принять от вас такой подарок...

– Почему? Потому что эта ложка и так ваша?

– Нет... Просто... Ну с какой стати вы должны делать мне подарки?

– Потому что праздник... – умоляюще произнесла Майя. Она провалится сквозь землю, если Иващенко сейчас вернет ей ложку.

– Но я не имею к армии никакого отношения. Никогда не служил. Так... был месяц на сборах и все... – Глаза преподавателя были виноватыми.

– Ну вот! Все-таки были!

В этот момент в аудиторию заглянула секретарша кафедры общей химии Эмма Ивановна и укоризненно произнесла:

– Ну, что же вы, Константин Эдуардович! Только вас и дождаемся!

– Сейчас, сейчас! – ответил ей Иващенко. – Вы начинайте, пожалуйста... Бегу...

– Вас, наверно, сейчас поздравлять будут! – догадалась Майя и поспешила к дверям, обрадовавшись, что преподавателю некогда будет дальше разбираться с ложкой, и он все-таки примет ее.

После того, как Майя подарила Иващенко его же собственную ложку, она совсем перестала поднимать на него глаза на лекциях, чтобы он не думал, будто теперь чем-то обязан ей. Ничем. Она и так позволила себе слишком много. Пожалуй, есть смысл перестать мечтать о доценте и вернуться в студенческий коллектив. И седьмого марта, накануне женского праздника, Майя согласилась пойти вместе со всеми в бар «Вымпел».

Первокурсники поджидали друг друга на крыльце института. Майя с Ольгой вышли почти последними, так как им надо было сдать тетради с исправленными контрольными работами преподавателю кристаллографии. Он опять прицепился к оформлению одной из таблиц и задержал их на целых пятнадцать минут. Ребята встретили девушек криками:

– Ну! Наконец-то!

– Явились-не запылились!

– Сколько можно вас ждать?!

Девушки сочли за лучшее ничего не отвечать, и группа № 157 практически в полном составе направилась в сторону «Вымпела».

– Студентка Романова! – раздалось вдруг за их спинами. Все разом остановились и повернули головы на голос. На крыльце института стояла секретарша кафедры химии Эмма Ивановна и жестами подзывала к себе Майю.

– Ну вот! Опять ждать!

– Надо было раньше слинять!

– Что за день! – посыпались возмущенные реплики одноклассников студентки Романовой.

– Вы идите, не ждите, – предложила им она. – Я догоню. Я же знаю, где находится «Вымпел».

Все сразу согласились с этим предложением, а Ольга крикнула Майе вдогонку:

– Ты приходи! Не задерживайся! Я тебе место займу!

Когда Майя снова поднялась на крыльцо, Эмма Ивановна сказала деловым тоном:

– Романова, поднимитесь, пожалуйста, на третий этаж в триста двадцатую аудиторию.

– В химию? – удивилась девушка.

– Да! Константин Эдуардович сказал, что у вас какие-то проблемы с лабораторной работой, а у него как раз сейчас консультация на этот предмет со всеми неуспевающими. Поторопитесь, милочка! Сегодня день предпраздничный, а потому короткий!

Майя хотела возмутиться по поводу того, что ее называли неуспевающей, но гораздо важнее было разобраться, с какой-то лабораторной у нее вдруг возникли проблемы. Почему больше ни у кого из их группы проблем не было, а у нее вдруг возникли? Да и вообще, у них давно вообще не было никаких лабораторных...

Майя бросилась к лестнице и вмиг влетела на третий этаж. Она подошла к дверям аудитории – из нее не раздавалось ни звука. Наверняка, все неуспевающие списывали с доски и потому затихарились. Девушка осторожно поскреблась в дверь, потом пару раз стукнула в нее костяшками пальцев, но никто из аудитории так и не отозвался. Она уже взялась за ручку двери, чтобы зайти без разрешения, но именно в этот момент она перед ней распахнулась. Майя оказалась нос к носу с доцентом Иващенко.

– Мне сказали, что у меня что-то не то с лабораторной, – просипела она от разом охватившего ее волнения.

Преподаватель как-то странно на нее посмотрел, кивнул несколько раз, будто одного кивка ему не хватило, и вдруг широко распахнул дверь. Майя мимо него осторожно протиснулась в аудиторию. Кроме них с Иващенко никого в ней не было.

– А... как же... А где же... – сбивчиво начала девушка. – Эмма Ивановна сказала... а я не поняла... какая-то лабораторная... а я неуспевающая...

Константин Эдуардович улыбнулся, опять продемонстрировав Майе свои ямочки на щеках, потом, оставив ее возле дверей, прошел в лаборантскую и почти сразу вышел из нее с букетом бордовых роз на длинных стеблях. Майя почему-то решила, что преподаватель попросит ее отнести розы в деканат или какой-нибудь преподавательнице, но он протянул букет ей и сказал:

– Вот! Поздравляю!

– В смысле? – прошептала Майя, бессильно уронив руки вдоль враз ставшего чужим и непослушным тела.

– В том смысле, что завтра восьмое марта, и я поздравляю вас с праздником!

– Зачем? – очень глупо спросила она, не в силах принять в ослабевшие руки цветы.

– Ни зачем... просто... В честь женского дня! Возьмите, Майя! Долго мне их еще держать?

Девушка взяла розы, так и не вспомнив про положенное «спасибо».

– Я не понимаю... – сказала она. – А как же лабораторная?

– А разве в этом месяце у вашей группы была лабораторная?

– Не было...

– Ну вот! – с улыбкой заключил преподаватель.

Майя совсем смешалась, она никак не могла поверить, что цветы преподнесли именно ей, что не надо никуда идти, чтобы отдать их в другие руки. И, чтобы не разочаровываться, если вдруг все же выяснится, что розы на самом деле другой женщине, она опять спросила про лабораторную:

– Но Эмма Ивановна сказала, что у меня с лабораторной...

– Ну, перестаньте уже, Майя! – опять с улыбкой перебил ее Константин Эдуардович. – Я не знал, каким образом зазвать вас к себе в аудиторию, а тут вдруг заходит Эмма Ивановна и

спрашивает, когда я буду работать с должниками. Ну... я решил этим воспользоваться. Сказал, что как раз сейчас жду этих самых должников... А стоял я в это время у окна и видел, как студенты вашей группы кого-то ждали... И вы там были... Я и попросил Эмму Эдуардовну вас позвать. Если бы я сам позвал, возможно, вам это было бы неприятно, ведь пришлось бы что-то объяснять группе...

– Мне наверно и так придется. Будут спрашивать, что у меня с лабораторной работой.

– А вы скажите, что секретарша ошиблась, что у вас все в порядке, – предложил Иващенко, все так же красиво улыбаясь.

– Я скажу... – согласилась Майя. – Только и вы скажите... Почему вы подарили мне розы?

– Ну как же я мог не подарить? Вы же мне подарили ложку! Розы – ответный подарок!

– А-а-а... – протянула Майя совершенно севшим голосом. Конечно, разве интеллигентный человек может не ответить на подарок подарком! Вот он и ответил. Она преподнесла ему его же ложку, будто сова из мультика о Винни-пухе, которая на день рождения подарила ослику Иа-Иа его собственный хвост. Понятно, что Иващенко не мог поступить так же по-дурацки и купил ей розы. Майя кивнула головой, буркнула: – Ну я пойду... – и повернулась к дверям.

– Подождите! – Константин Эдуардович схватил ее за локоть, и тело вообще отказалось повиноваться девушке. Ей хотелось заплакать от полного смятения души, а преподаватель вдруг предложил: – Если вы сегодня не очень заняты, то, может быть, мы ходим вместе в театр?

– В театр? – испуганно повторила Майя, развернулась к нему и еще раз переспросила, будто не расслышала: – В театр?

– Ну да, в театр, в драматический! Между прочим, в спектакле занята Алла Завельская! Вы когда-нибудь видели ее на сцене?

Майя отрицательно помотала головой.

– Только в кино видели, да?

Девушка согласно кивнула.

– Да что с вами, Майя? – Иващенко приблизился к ней, взял за плечи и заглянул в глаза: – Я же вас приглашаю всего лишь в театр, а не в какое-то злчное место. Так вы пойдете?

– Да... – односложно смогла вымолвить студентка Романова.

– Ну и отлично! Назовите ваш адрес, чтобы я смог заехать за вами.

Майя назвала, хотя язык ее очень плохо слушался, став сухим, шершавым и плохо помещающимся во рту.

– Отлично! – резюмировал Константин Эдуардович и добавил: – Вы живете далековато от центра, а вечером можно еще мертво стать в пробке, так что я предлагаю выехать за час до начала спектакля. Согласны?

Майя очередной раз кивнула.

– Тогда выходите из дома ровно в 18.00, хорошо?

Девушке пришлось снова кивнуть.

– До встречи?

– До встречи, – проямлила Майя, так как дальше кивать было уже просто неприлично.

Она как раз вышла из аудитории, когда ей позвонила Ольга.

– Майка, ну ты где? Я тебе всяких роллов набрала! Женский день будем праздновать по-японски! Что там с лабораторной-то? Бред какой-то! Мы сто лет не были на лабораторных по химии. Иващенко совсем сдурел!

– Оля... я не приду в кафе... не смогу... – ответила ей Майя.

– Вот новости! Почему? Да что там с лабораторной-то?

– Дело не в этом... С лабораторной все нормально, Эмма Ивановна просто перепутала...

– А что не нормально?

– Оль, не спрашивай сейчас... И сегодня не звони больше, пожалуйста! Я тебе завтра все объясню! Честное слово!

– Ну, ты даешь, Маха! – оглушающе крикнула в телефонный аппарат Ольга. – У тебя голос... вообще... ужасный! Я ж твоя подруга! Я же буду волноваться!!

– Не надо, все хорошо, – попыталась успокоить ее Майя, – даже лучше, чем хорошо... Но не спрашивай сейчас ни о чем! Все потом! – И студентка Романова отключила телефон.

Дома Майя вывернула из шкафа на пол весь свой не слишком богатый гардероб и расплакалась. Ей совсем не в чем было идти в театр. То есть, не то, что бы совсем не в чем. Просто ее одежда никак не подходила к мужскому костюму, в который неизменно был одет Иващенко. А если для посещения театров у него имеется другой костюм, более светлый или более темный, это еще хуже. Майины легинсы, джинсики-стрейч, облегающие бадлончики, топики, блестящие блузочки до пупа и всякого рода курточки с принтами и стразами будут казаться детсадовской одежкой по сравнению с элегантностью самого простого мужского костюма. Окружающие могут подумать, что Константин Эдуардович пришел в театр с младшей сестренкой, чего Майе совсем не хотелось бы. Она еще немного посидела на полу, огорченно перебирая свои яркие тряпочки, а потом отправилась в родительскую спальню и открыла шкаф с маминной одеждой. Девушка долго, будто впервые, вглядывалась в мамыны наряды и, в конце концов, остановилась на узкой черной юбке и стального цвета блузке, вытащила их из шкафа и даже примерила. Блузка сидела, как влитая, а юбка была чуть-чуть широковата в талии, что легко можно было исправить с помощью широкого пояса. Майя вытащила из кучи, наваленной на полу, свой широкий кожаный пояс, но надевать его не стала, поскольку вдруг поняла: к маминному наряду у нее нет подходящей верхней одежды и обуви. Ее тупоносые ботинки на шнуровке и толстой рифленой подошве, а также коротенькая дубленка, отороченная искусственным мехом с длинными фиолетовыми прядями, никаким образом не могут гармонировать с классической узкой и прямой черной юбкой. К тому же у Майи нет тонких колготок. Можно найти колготки у мамы и даже накинуть вместо своей дубленки ее демисезонное пальто, но мамина обувь по размеру была гораздо больше Майиной и ей не годилась никак.

Когда время уже подходило к половине шестого, совершенно отчаявшаяся студентка Романова оделась в то же самое, в чем днем была в институте: в узкие темно-синие джинсы и серый коротенький джемперок с изображением кошачьей морды. Потом расчесала волосы, завязала их в хвост на затылке, села на диван перед часами и до шести часов даже сумела немного успокоиться. В конце концов, пусть Константин Эдуардович не заблуждается на ее счет: она самая обыкновенная студентка, а не леди в мехах и бриллиантах. Впрочем, он вряд ли заблуждается. Видимо, довольно-таки дешевая ложка, которую она нашла в магазине антиквариата, дорога Иващенко как память, и потому он посчитал своим долгом сводить дарительницу в театр. Отработать, так сказать... Правда, есть еще розы... Ну... скорее всего то, что напоминает преподавателю эта ложка, настолько серьезно, что тянет на билет в театр и букет роз! Только и всего!

Константин Эдуардович приехал за Майей на машине. Она совершенно не разбиралась в марках автомобилей, потому и не могла ее определить, но дымчато-серый цвет был приятен для глаз и весьма элегантен.

– Это ваша машина? – спросила девушка, когда уже уселась на переднее сидение рядом со своим преподавателем химии.

– Конечно! – Он улыбнулся. – Зачем бы мне брать чужую!

– Но вы никогда не приезжали на ней в институт.

– А зачем? Вы же видели, что я живу рядом, а прогуляться – это даже приятно.

На этом разговор иссяк. Дорога была настолько забита машинами, что Иващенко приходилось лавировать между ними, и разговаривать, в общем-то, было и некогда. Из-за пробок,

о которых Константин Эдуардович предупреждал Майю, подъехать к театру удалось только за десять минут до начала. Они только-только успели раздеться и найти свои места, как спектакль начался. Майе очень хотелось сосредоточиться на том, что происходит на сцене, особенно тогда, когда на нее вышла знаменитая Алла Завельская, но у нее ничего не получалось. Рядом с девушкой сидела надушенная дама в вечернем декольтированном платье с жемчужным колье на шее и смотрела на сцену исключительно в бинокль. Майе стало очень не по себе. Как она и предполагала, Иващенко оделся в строгий темный костюм. Когда закончится действие и зажжется свет, Константин Эдуардович в костюме ужаснется, когда сравнит свою спутницу с жалкой кошкой на груди с окружающими дамами в декольте и жемчугах. Конечно, он видел ее джемперок в гардеробе, но они так торопились, что ему было не до сравнений с другими зрительницами.

В антракте Майя несколько успокоилась, поскольку по фойе прогуливались люди, одетые очень разнообразно. Кстати сказать, декольтированные дамы не составляли большинства. В основном, люди были одеты довольно скромно. Похоже, многие пришли в театр прямо с работы. Иващенко повел ее в буфет, где пытался угощать пирожными и соком. Майе кусок в горло не шел, но она заставила себя съесть половинку эклера. Константин Эдуардович расспрашивал о том, понравилось ли ей действие и какое впечатление произвела на нее Алла Завельская, но Майя была в состоянии твердить только одно и то же: да, все хорошо, очень понравилось.

Во время второго действия Майя мучилась еще больше, чем во время первого. От сладких духов рядом сидящей дамы у нее разболелась голова. Она боялась, что после окончания спектакля Иващенко задаст ей какие-нибудь вопросы по сюжету, поэтому изо всех сил старалась сосредоточиться на том, что происходило на сцене, но чем больше она старалась, тем хуже у нее это выходило. К концу спектакля она так измучилась, что уже чуть не плакала. Когда зажги свет, девушка сказала преподавателю, чтобы он поскорее отвез ее домой.

– Вам не понравился спектакль? – спросил он.

– Дело не в этом... – дрожащим голосом отозвалась Майя. – У меня просто очень разболелась голова...

Во время езды к дому Майя украдкой вытирала выкатывающиеся по одной слезы. Она поняла, что полностью провалила свидание с Иващенко. Конечно, он и не собирался с ней встречаться далее, но от этого вчера у него могло бы остаться хорошее впечатление. Могло бы. Но не останется.

На одном из перекрестков, где пришлось долго стоять в очередной пробке, Константин Эдуардович вдруг сказал:

– А поедьте ко мне, Майя! У меня есть чудесный травяной сбор от головной боли. Я заварю вам чай с этой травой, и вы очень скоро почувствуете себя здоровой.

Майя, которая уже не надеялась ни на что хорошее, смогла только кивнуть.

В своей квартире Константин Эдуардович посадил ее в комнате в мягкое низкое кресло, а сам удалился на кухню. Чай, который он вскоре принес, был чуть горьковатый, но очень душистый. Пока она пила его, Иващенко сидел перед ней на корточках и почти неотрывно смотрел в лицо.

– Почему вы так на меня смотрите? – наконец окончательно смутившись, спросила Майя.

– Как? – удивился он.

– Н-не знаю... На меня еще никто так не смотрел.

Преподаватель зачем-то подергал себя за нос и, медленно подбирая слова, начал говорить:

– Майя... Я мог бы сделать вид, что ни о чем не догадываюсь... но это не так... Я не мальчик, а потому вижу ваше состояние... и все понимаю... Вам я чем-то нравлюсь, хотя, честное слово, даже не могу понять, чем... Я самый заурядный мужчина, самый обыкновенный...

– Вы необыкновенный... – прошептала Майя, прижимая к себе полупустую кружку.

– Нет же! Я же все про себя знаю и... Словом, вы быстро разочаруетесь и тогда...

– Я не разочаруюсь!! – выкрикнула она, и чашка выскользнула у нее из рук. Она не разбилась, поскольку упала на ковер, но из нее выплеснулись остатки чая, и бежевый ворс обезобразило коричневое пятно. Майя с испугом посмотрела на Иващенко и, еле ворочая языком, прошептала: – Я испортила вам ковер...

– Какая ерунда! – поднявшись на ноги, отозвался Константин Эдуардович. – Что такое какой-то ковер... Да и вообще, сейчас в магазинах столько средств для чистки, что не стоит на этом даже заикливаться. Мы же говорим о другом...

Девушка промолчала, потому что совершенно не знала, что ей на это ответить, и преподавателю пришлось опять говорить самому.

– В общем... вы, Майечка, мне тоже очень симпатичны... Вы напоминаете мне... Впрочем, это неважно... – Он опять присел перед своей студенткой на корточки. – Понимаете, я рад был бы, если бы вы... я не знаю, как сказать... в общем, я с радостью буду с вами встречаться до тех пор, пока вы не скажете, что больше этого не хотите...

– Я так никогда не скажу! – опять выкрикнула девушка и, сползла с кресла, оказавшись перед ним на коленях.

Константин Эдуардович тоже опустился на колени, и несколько минут они просто смотрели друг в друга в глаза. Потом Майя протянула руку и дотронулась до щеки своего преподавателя. Иващенко поцеловал ее ладонь, и тогда девушка не выдержала напряжения. Она захлестнула шею Константина Эдуардовича руками и начала беспорядочно целовать его лицо, приговаривая:

– Я никогда не разочаруюсь! Я всегда буду любить вас, потому что не любить не могу. Я и хотела бы не любить, но у меня ничего не получается.

И он не мог не откликнуться. Он обнял ее и в ответ тоже принялся покрывать поцелуями сначала руки, потом лицо. Когда он приник к ее губам, девушке показалось, что уходит из-под ног земля. Такое она раньше видела только в кино, чтобы взрослый сильный мужчина целовал юную девушку. А теперь она сама была такой девушкой, которую целует самый лучший на свете мужчина. Осознание этого во сто крат усиливало ощущение необыкновенности происходящего. Это она, Майя, так щемяще счастлива... Она запомнит этот вечер на всю жизнь... Ничего лучшего с ней еще не происходило... И возможно, что самое прекрасное ее еще ждет впереди...

– Я останусь с вами... – прошептала она.

– Но как же родители? Они же будут волноваться, – отозвался самый лучший на свете мужчина.

Майя с трудом разомкнула руки, поднялась во весь рост, отыскала свою сумку и сказала:

– Я отправлю им смс.

– Может, лучше, позвонить?

– Нет. Мама станет расспрашивать, а мне не хочется ни обманывать ее, ни правду говорить... Вы же понимаете?

– Понимаю, но как-то это не очень хорошо...

– Ничего... Я напишу, что осталась в общежитии у Риты Селивановой из нашей группы. Пару раз такое бывало. Мама, конечно, будет недовольна, но не удивится этому.

– А если Рита позвонит к вам домой?

– Нет, она знает только номер моего мобильного. Мы не так уж и дружны с ней...

– А отец?

– С ним пусть поговорит мама. Только она умеет его успокаивать... ну и вообще... И потом... со мной ведь ничего плохого не происходит, правда?

Майя посмотрела в лицо своего преподавателя. Он, наконец, тоже поднялся с колен, подошел к ней, опять прижал к себе и тихо, но твердо сказал:

– Правда, – потом опустил руки и поторопил ее: – Пиши... пишите скорее, а то уже поздно. Думаю, что родители уже сейчас все на нерве.

Майя кивнула и достала из сумки мобильник. Она и забыла, что отключила его еще днем после разговора с Ольгой. Стало понятно, почему до сих пор ей не пришлось отвечать на мамины звонки. Непринятых вызовов от нее было аж восемь и три сообщения. Майя тяжело вздохнула и набрала смс-ку. Тут же был получен ответ: «Немедленно перезвони!» Девушка показала мамино сообщение Иващенко и сказала:

– Я не буду звонить... Потом все объясню... Сейчас все равно не получится...

Она снова выключила телефон, убрала его в сумку и повернулась к Константину Эдуардовичу.

– Голова прошла? – спросил он.

Майя прислушалась к себе, но ничего не поняла.

– Я не знаю, – пожал плечами, проговорила она. – Непонятно... Может быть, она и не болела, просто я очень нервничала, мне прямо глаза чем-то застилало... Честно говоря, я даже не могу вспомнить толком, о чем был спектакль...

– А сейчас?

– И сейчас... Но уже по-другому... Я не знаю, как все будет дальше... От этого тревожно...

Иващенко снова привлек ее к себе. Между поцелуями он приговаривал:

– Все будет хорошо... Не надо тревожиться... Пусть все тревоги уйдут...

– Да-да... Они уйдут... Они обязательно уйдут... – охотно соглашалась Майя.

В ту ночь ничего, кроме поцелуев и тесных объятий, между ними так и не случилось. Константин Эдуардович, похоже, понял, что она и без того переполнена происходящим до краев, и решил не торопить события. Девушка уснула на груди своего преподавателя сладким, но тревожным сном. Ей снилось, что поцелуи продолжаются и продолжаются. Они должны были бы перейти во что-то другое, но почему-то это другое все откладывалось и откладывалось. Майя хотела этого другого и не хотела одновременно. И когда она наконец согласилась на все, ничего так не произошло. Мозг отказывался моделировать то, чего она еще никогда в жизни не испытывала.

Майя несколько раз, резко вздрагивая, просыпалась, чем будила Константина Эдуардовича. Он прижимал ее к себе, приговаривая одно и то же:

– Все хорошо... Я здесь... Все спокойно... Спи, милая...

И она, уткнувшись в шею своего преподавателя, засыпала снова.

Утром они вместе отправились в институт. У Майи пылало лицо и перехватывало дыхание от ни с чем не сравнимого счастья. Иващенко поглядывал на нее с чуть снисходительной улыбкой. Девушка видела, что он понимает, что с ней происходит, и радуется этому. На крыльце они столкнулись с Ольгой Макеевой. Та расширила от удивления глаза и растерянно поздоровалась:

– 3-3-здр-рась... Константин Эдуардыч...

– Здравствуйтесь, – весело отозвался Иващенко, махнул рукой девушкам и отправился к гардеробу для преподавателей.

Как только он отошел на приличное расстояние, Ольга вцепилась в локоть Майи и зашепеля ей в ухо:

– Это что такое происходит? Зачем Иващенко к тебе с утра приставал?

– Он не приставал, Ольга... – улыбаясь, отозвалась Майя.

– Что-то улыбка у тебя больно идиотская! К чему бы это?

– Вовсе она не идиотская!

– А какая?
– Счастливая!
– Да? – Ольга измерила глазами подругу и потребовала: – А ну-ка с этого места поподробнее!

– Ну... я даже не знаю, как начать...
– Я тебе помогу! Тебя позвала Эмма Ивановна, ты пришла к Ивашенко... И что дальше?
– А дальше... ты не поверишь... он подарил мне букет бордовых роз... с такими длинными стеблями...

– Голландских?!

– Ну... не знаю... Может, и голландских... В общем, очень красивых!

– Подарил?

– Да!

– Просто так?!

– Нет...

– А как? Слушай, Маха, почему из тебя надо все клещами вытаскивать? Колись, что у тебя за шашни с химиком!

Майя опять счастливо улыбнулась и ответила:

– У нас не шашни... У нас... любовь...

– Да ладно...

– Странно, что ты не веришь, хотя видела, что мы вместе пришли в институт!

– То есть, ты хочешь сказать... – И Ольга охнула, закрыв рот ладошкой.

– Я хочу сказать, что мы провели ночь вместе! – Выпалив это, Майя вдруг испугалась своей откровенности и доверительно попросила: – Только ты никому об этом не говори, ладно? Ну... пока...

– Не скажу, конечно, но... Слушай, так между вами все было? – Ольга сделала такое ударение на слово «все», что было совершенно ясно, что конкретно она имеет в виду. Майя решила, что не будет ничего плохого, если она слукавит, а потому коротко, но многозначительно ответила:

– Да.

У Ольги опять так же расширились глаза, как в тот момент, когда на крыльце института она увидела Майю с преподавателем. Макеева огляделась вокруг, не увидела никого, кто мог бы прислушаться к их разговору и спросила:

– Ну... и как?

– Что как?

– Как... сам процесс? Тебе понравилось?

Майя смутилась, поскольку поняла: придется врать дальше. Сказать, что ей не понравилось, значило бы уронить в глазах подруги Константина Эдуардовича, и потому она ответила:

– Это... это было волшебно...

– Да? – с сомнением произнесла Ольга. – А вот Лариска Кузнецова из параллельной группы говорила, что все это противно и больно!

– С кем попало, наверно, действительно, противно, а у нас... чувства... – сразу нашлась Майя, посмотрела на настенные часы и выдохнула: – Мы же сейчас опоздаем, Олька! Еще ж на четвертый этаж пилить!

– И когда они только лифт установят! – выкрикнула Макеева, устремляясь вслед за подругой к лестнице.

– А никогда! Здание ж старое! Для лифта просто нет места! И потом – лестницы – это вертикальный стадион! Слыхала?

Тяжело пыхтящая Ольга отвечать не стала.

Уже на лекции Макеева подвинула к подруге блокнот, где было написано:

«А как же Измайлов?»

Майя написала под этим вопросом:

«Никак. Я же говорила, что можешь забирать его себе.»

«Я помню. Просто уточнила. А то Глеб все время спрашивает о тебе.»

«А ты скажи, что я уже занята!»

«Я, пожалуй, погожу говорить. Твой Иващенко – не вариант, и ты скоро это сама поймешь.»

«Почему вдруг не вариант?!»

«Да потому что на нем взгляду не за что зацепиться! Серый, как мышь!»

На это возмущенная Майя особенно размашисто написала:

«Если ты еще хоть раз скажешь или напишешь про него одно дурное слово, то я перестану считать тебя подругой!»

«Что, все так далеко зашло?» – не отставала Ольга.

«Да!»

«Слушай, а может, ты уже беременная?»

Майя ничего на это отвечать не стала, только покрутила пальцем у виска, но Макеева угомониться никак не могла и опять написала в своем блокноте:

«А что такого ужасного я спросила? Если между вами уже все происходит, то беременность вполне может случиться!»

«Мы предохраняемся! Отстань!» – вынуждена была написать Майя, а ее щеки аж пощипывало от того жара, который к ним прилил.

После занятий Майя ждала Иващенко в скверике, недалеко от института.

– Майя, может, ты все же сходишь домой? – спросил Константин Эдуардович, подойдя к ней. – Твои родители не могу не волноваться.

Девушке было очень приятно, что он теперь называет ее на «ты». Ко всем остальным студенткам он всегда обращался исключительно на «вы».

– Родители сейчас все равно на работе, только после шести будут дома, – ответила она.

– Но ты хоть позвонила?

– Я послала сообщение. Написала, что нахожусь в институте в полном здравии.

Иващенко улыбнулся, обнял ее за плечи, и они пошли в направлении к его дому.

– Все же как-то не очень хорошо получается с твоими родителями, – сказал преподаватель. – Я неловко себя чувствую.

– Я все объясню им, – охотно пообещала Майя, – но попозже, ладно?

– Ладно, – согласился он и поцеловал ее в висок. По всему телу девушки от этого его поцелуя разлилась сладкая истома. Она решила, что сегодня разрешит ему все. И не потому, что надо оправдывать слова, сказанные подруге. Просто она его любит, и хочет, чтобы он был с ней счастлив. А раз уж мужчины без этого не могут, она стерпит все, даже если ей будет неприятно и больно, так же как Лариске Кузнецовой из параллельной группы.

Квартира Иващенко, в которую они вошли, уже казалась Майе родной. Она сразу побежала на кухню, чтобы включить чайник.

– Ты хочешь есть? – спросил преподаватель.

– Ну... так... Мы же попьем чаю? С той травой! Можно? Она такая душистая!

– Нет, с той травой не будем, она, и правда, лечебная. Вдруг снова голова заболит! Но у меня есть замечательный зеленый чай? Ты любишь зеленый чай?

– Не знаю. – Майя пожала плечами. – Я никогда не пила. У нас в семье все пьют только черный.

– Ну, раз тебе понравился травяной чай, значит, и этот понравится. Сейчас заварю!

Майя уже была не рада, что завелась с этим чаем. Она ведь на все решилась, и не хотела откладывать, поскольку очень не любила нервничать в ожидании. Когда они всем школьным классом ходили к зубному врачу, она всегда заходила в кабинет одной из первых, потому что гораздо больше боялась представлять ужасы и ждать боль, чем ее испытывать.

– Я подожду в комнате, – сказала она, вышла из кухни, прикрыв дверь, и сразу нырнула в ванную. Она не могла себе позволить принять душ, но кое-какие гигиенические процедуры все же провела. Из ванной она быстро прошла в комнату и принялась лихорадочно раздеваться.

Когда Константин Эдуардович вкатил в комнату сервировочный столик с чайником, двумя чашками и блюдом с пряниками, обнаженная Майя, сжавшись в комок, сидела на диване, несколько прикрывшись все тем же джемперком с кошкой, и смотрела на него с испугом и надеждой. Преподаватель от неожиданности остановился в дверях, потом потер рукой подбородок, оставил столик, подошел к дивану, опять опустился перед Майей на корточки и так долго смотрел ей в глаза, что девушка не выдержала и, чуть не плача, проговорила:

– Ну что же вы... медлите... Я же все... для вас...

– Майечка, ты уверена, что к этому готова? – спросил он.

– Я... да... я давно готова... для вас... только для вас... Никому и никогда раньше...

– Да я это сразу понял, что никому и никогда... И я боюсь причинить тебе боль... Боюсь, что для тебя это слишком рано, что ненужно еще...

– Нет! Не рано! – вскрикнула она. – Я хочу! Для вас! Я люблю вас! И вы не можете отказаться! Нельзя! Это будет подло! Низко! Вы не такой! Я знаю!

– Да откуда тебе меня знать... – Ивашенко вздохнул и окинул ото лба волосы таким нервным жестом, что девушка поняла: он тоже волнуется. Это придало ей силы. Так и прижимая к груди кошку на джемпере, она потянулась другой рукой к своему преподавателю, как уже делала в прошлый раз, провела ладонью по его щеке и сказала:

– Я все про вас знаю... Ну... то есть... чувствую... Вы не волнуйтесь так... Все будет хорошо, вот увидите...

– Ты меня еще и успокаиваешь... – проговорил он и забрал у нее серый джемперок.

Прикосновения Константина Эдуардовича были бережны и ласковы. Майя хвалила себя за то, что сказала подруге правду: происходящее сейчас между ней и мужчиной, было волшебным. В лексиконе девушки не было слов, чтобы описать полнее и подробнее свои ощущения. Все было ново, остро, сладостно и прекрасно. И когда она уже решила, что находится на пике счастья, ее вдруг пронзила такая боль, что она, не удержавшись, вскрикнула.

– Ну вот... – огорченно произнес ее мужчина глухим голосом. – Я ведь говорил...

– Это ничего... ничего... – тут же принялась утешать его Майя. – Это ведь просто плата за радость и счастье! И пусть всегда будет боль! Я готова платить, только чтобы вы... чтобы со мной... Чтобы вам было хорошо...

– Глупенькая моя девочка! – Константин Эдуардович крепко прижал ее к себе. – Все заживет, и тебе больше никогда не будет больно. Я не знаю, насколько будет хорошо, но больно уже не будет – это точно!

– Мне все равно, все равно, – продолжала твердить она. – Лишь бы вы... лишь бы с вами...

– Майя! – Ивашенко отстранил ее от себя и, глядя в глаза, с улыбкой сказал: – Ты теперь должна говорить мне «ты»!

– Да? – удивилась она, хотя кинематограф давно уже всем объяснил, что после интимной близости люди переходят на «ты». – Константин Эдуардович, я не смогу... сразу не смогу...

– И теперь я для тебя вовсе не Константин Эдуардович, а просто... Костя... Ну-ка повтори: Ко-стя!

– Нет! Я не могу! – заупрямилась Майя, смущенно улыбаясь.

– Ничего не поделаешь, девушка! Таковы условия! Повторяй за мной: Ко-стя...

Майя набрала в грудь побольше воздуха и очень тихо повторила, так же, как он, по слогам, будто впервые училась говорить:

– Ко-стя... – И от звуков этого простого имени, которое она заставила себя произнести, у нее опять кругом пошла голова. Это было так необыкновенно, так волнующе, что хотелось плакать и смеяться одновременно.

– Гляди-ка, получается! – Иващенко расхохотался и потребовал: – А теперь сама! Давай! Скажи-ка что-нибудь на «ты» и назови по имени!

Майя улыбнулась. Потом улыбка погасла. Она очень серьезно посмотрела в глаза своему преподавателю и произнесла слова, от которых вся ее кожа покрылась мурашками:

– Я люблю... тебя... Костя...

Иващенко тоже стал серьезен. Он чуть помедлил, но все же ответил:

– Я постараюсь любить тебя так же сильно.

Майя не смогла больше сдерживать нахлынувшие эмоции и расплакалась.

– Где ты была? – сурово спросила мама, как только переступила порог квартиры. По заведенной у них традиции Майя всегда выходила из своей комнаты навстречу родителям, приходящим с работы, и потому мамин вопрос сразу достиг ушей дочери.

– Я же тебе написала, – ответила Майя.

– Почему не перезвонила?!

– Потому что мы были заняты!

– Чем таким можно было заниматься, что даже не позвонить матери, которая волнуется?!

– Может быть, ты все же войдешь в квартиру! – предложила ей Майя, и сама втащила маму в коридор.

– Трудно себя сдерживать, когда дочь так себя ведет! – сказала Мария Максимовна.

– Можно подумать, что я безобразно себя веду! Вечером я написала тебе сообщение, где нахожусь, утром написала, что все в порядке! Что тебе еще нужно?!

– Мне нужно слышать твой голос!! Мало ли кто может взять твой телефон и написать родителям сообщение, чтобы усыпить их бдительность!!

– Мама!! Ну что ты городишь!! – возмутилась Майя. – Ты лучше раздевайся! Все же в порядке! Давай сумку!

Мария Максимовна хотела еще что-то сказать, но только безнадежно махнула рукой, сунула сумку дочери и рухнула на ящик для обуви, чтобы в относительном комфорте растянуть сапоги.

Майя выгружала на кухонный стол продукты из маминой сумки и думала о том, что она с большим удовольствием призналась бы всему свету о том, как счастлива. При этом она понимала, что делать этого сейчас еще нельзя, а маму вообще незачем пугать. Она же непременно все поймет неправильно. А все ли правильно в ее жизни? Не совершила ли она ошибку? Конечно, нет! Разве может быть ошибкой, что она преподнесла себя в дар любимому человеку и сказала: «Владей. Распоряжайся. Я твоя.» Конкретно эти слова она ему, конечно, не говорила, но все было ясно и без них. Константин Эдуардович во всем разобрался. Впрочем, почему она по-прежнему называет его Константином Эдуардовичем? Он же для нее теперь просто Костя... Ко-стя... Майе никогда не нравилось это имя. Почему-то оно вульгарно-буквально ассоциировалась в ее мозгу с чем-то неприятно костлявым. Но Иващенко не был чрезмерно худым. Он был... нормальным... Майя вспомнила ощущение тяжести от его тела, и у нее перехватило дыхание. Надо же, как странно! Мир вокруг совершенно не изменился, а она стала другая! С ней сегодня произошло нечто очень серьезное. Она теперь... окончательно взрослая. У нее есть мужчина. Не сопливый мальчишка и даже не стильный Глеб Измайлов. Мужчина. Константин... Костя... Самый важный, самый любимый...

Весь вечер Майя была сама не своя. Она не могла ничем заниматься. Она пыталась читать книгу, но поймала себя на том, что точно так же не может вникнуть в ее содержание, как вчера в суть спектакля. Отложив книгу, девушка открыла ноутбук и зашла на свою страницу в социальной сети «Мы вместе». Она намеривалась послушать музыку, но сегодня и эта страница, и загруженные музыкальные записи, и видео, и фотографии, и приколы друзей показались ей детскими и глупыми. Выключив комп, Майя прошла в большую комнату и включила телевизор. Ни на одном канале она не смогла найти ничего стоящего, ничего такого, что могло бы удовлетворить ее, обновленную и взрослую. Люди на экране суетились, чего-то добивались, против чего-то протестовали, обменивались кулинарными рецептами, пели дурацкие песни, не понимая, что все есть суета сует и сущая ерунда по сравнению с любовью, которая заполнила ее всю и одна лишь была важна. Больше всего Майе хотелось бежать к нему, к Косте, пить с ним чай, обнимать его, целовать, но она понимала, что не стоит так уж навязываться. Это она может слоняться по квартире и ничего не делать. А ему надо готовиться к лекциям и лабораторным, проверять студенческие работы, да и вообще – мало ли чем может заниматься дома серьезный мужчина, доцент Политехнического института. Вспомнив про то, что Иващенко доцент, Майя опять бросилась в свою комнату и включила ноутбук. Ей хотелось уточнить, кто такой доцент. Оказалось, что преподаватель высшего учебного заведения, занимающий должность доцента, как правило, должен иметь ученую степень кандидата наук. Вот как! Ее Костя не какой-нибудь там заваливающий преподаватель! Он кандидат наук! Это наполнило ее гордостью и опять щемящей нежностью.

Майе захотелось очередной раз всплакнуть без особой причины, когда раздалось пиликанье мобильного, который таким образом сообщал, что пришло сообщение. Девушка нехотя взяла телефон, открыла сообщение и прочитала: «Как ты там, моя девочка?». Подписано оно было просто: «Костя.» Майя аж вскочила со стула. Надо же! От Иващенко! Но как он узнал ее номер? Она же ему его не называла! Впрочем, все просто. В личных делах студентов, конечно же, есть номера мобильных телефонов. Майя вспомнила, как при поступлении в институт заполняла анкету, где была графа: «Телефон для связи».

Сначала Майя хотела позвонить Константину Эдуардовичу, но вовремя раздумала – вдруг мама услышит. Объясняться с ней желания не было. Она плюхнулась в кресло, поудобнее в нем устроилась и ответила:

«Я скучаю».

Через пару минут был получен ответ:

«Я тоже».

У Майи загорелись щеки. Неужели все это происходит на самом деле? Костя, Константин Эдуардович Иващенко, кандидат химических наук и доцент Политехнического института пишет ей смс-ки, как какой-нибудь студент первого курса! До чего же это странно... И как же это здорово!

«Я могу приехать», – написала она, отослала и тут же испугалась того, что сделала. Ну как она сейчас уйдет из дома? Что сказать маме? Но ей не пришлось ничего сочинять, поскольку Константин Эдуардович ответил:

«Давай лучше встретимся завтра. Может быть, ты сможешь опять «заночевать» у Риты?»

«Конечно!», – особо не раздумывая, написала она.

«Целую мою девочку».

«И я целую», – отстучала Майя, подумала немного и добавила еще два слова. У нее получилось: «И я целую тебя, Костя».

На следующий день на лекциях Майя, видимо, сидела с таким потусторонним лицом, что в перерыве Ольга ее спросила:

– У тебя сегодня опять свиданка, что ли?

Майя кивнула.

– С Иващенко?

– Разумеется.

– И что, ночевать у него будешь?

– Буду.

– Слушай, Маха! Расскажи-ка поподробней, как ты дома-то устраиваешься. Что родителям говоришь?

– Говорю, что ночую в общежитии, у Ритки Селивановой.

– А Ритка знает, что ты у нее... как бы... ночуешь?

– Нет, не знает. Да и зачем ей знать?

– А вдруг выдаст?

– Раз ничего не знает, так ей и выдавать нечего.

– Логично, – согласилась Ольга, а потом сказала: – А вот моя маман ни за что не удовлетворилась бы таким объяснением, потребовала бы номер Риткиного мобильного и звонила бы через каждые полчаса.

– Честно говоря, моя тоже может потребовать. – Майя тяжело вздохнула. – Думаю, она пока еще просто не сообразила.

– И что ты тогда скажешь?

– Не знаю... Не хочу даже думать об этом. Когда спросит, тогда и буду выкручиваться.

Как говорится, решайте проблемы по мере их поступления.

– А если ей рассказать?

– О чем? – удивилась Майя.

– О том, что ты встречаешься с преподавателем. Это ж не какой-нибудь бедный студент, а солидный человек.

– Что-то мне не кажется, что она обрадуется.

– Ну... вообще-то может и не обрадоваться, – согласилась Макеева. – Эти родители – такие странные люди... А вот ты мне скажи, Маха... – Ольга отвела подругу к окну, где не толпились студенты. – ...он... ну в смысле... Иващенко тебя замуж звал?

– Не звал... Но... я думаю, еще рано...

– Ага, рано! Как в койку укладывать, так не рано, а как жениться – так в кусты! Хорош гусь!

– Оля! Я же просила! – возмутилась Майя.

– Знаешь что, подруга, у тебя глаза любовью замазаны, и ты не можешь смотреть на вещи трезво. А мне со стороны видней! Вот скажи, ты ему говорила о любви?

– Да, говорила, и не считаю, что это как-то меня унижает. А если ты...

– погоди! – перебила ее Макеева и даже досадливо поморщилась. – Про тебя я поняла.

А он-то тебе говорил, что любит и все такое...

Майя задумалась. Константин Эдуардович, которого она все же пока не могла называть Костей даже в мыслях, сказал только, что постарается ее любить, но он ведь уже весь дышал ею, этой любовью.

– Видишь ли, Оля, – наставительно начала Майя, – совсем не обязательно все называть словами.

– Ну конечно! Ты, значит, поешь ему про любовь, отдаешься, а он только пользуется, ничего не возвращая взамен! Это, знаешь, как называется?!

– Ольга! – рассвирепела Майя. – Лучше замолчи! Все между нами происходит так, как хочу я, можешь ты это понять? Это я хочу любить его, говорить о любви, целовать его и отдаваться ему, а он...

– Ну что он?! Что?!

– А он не сможет не откликнуться на такую любовь! Он все мне скажет, только позже. Понимаешь, по-зже! И хватит об этом! Прошу!

– Ну, гляди! – Ольга явно обиделась. – Только не говори потом, что я тебя не предупредила!

– О чем?! – Майя встала перед ней, уперев руки в бока.

– О том, что эти преподаватели любят полакомиться дурами-студенточками, а потом выбрасывают их на помойку, как использованную разовую посуду!

– А ты-то откуда знаешь?!

– Да это все знают! Книжки надо читать! Фильмы смотреть! Банальный сюжет развивается!

Противно смотреть!

– Константин Эдуардович... Он не такой! – взывала Майя.

– Он такой же, как все!

– Ты просто мне завидуешь!

– Я? Завидую? – Макеева расхохоталась. – Вот если бы ты закадрила, например физика Завьялова, я бы тебе завидовала! Такой brutальный мужчина! Настоящий мачо! А у твоего Иващенко даже фамилия какая-то... несерьезная, не говоря уже о мышинном костюмчике!

Майя еще ловила ртом воздух, соображая, как лучше отбрить, а Ольга уже пошла в сторону аудитории, поскольку как раз в это время раздался звонок на следующую пару. Майя вынуждена была отправиться вслед за ней, но за один стол не села. Она не могла простить ей неприятно-унизительного отзыва о Константине Эдуардовиче. Макеева ведь его совсем не знала. Он, Костя, ничего от Майи не требовал, не просил, она сама на все пошла: сама к нему привязалась, сама разделась, сама просила побыстрее начать. А он был терпелив, добр, нежен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.